

УДК 94"20"

**ОБМЕНИ НАСЕЛЕНИЕМ СССР
с ПОЛЬШЕЙ и ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ в 1944–1947 гг.:
АНАЛОГИИ и РАЗЛИЧИЯ ЭРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

М. Шмигель

Миграционные процессы в Центральной Европе в первые годы после окончания Второй мировой войны – обмены и переселения населения, иногда называемые «великим политическим переселением народов» – были не только следствием войны, наследием ялтинско-потсдамской системы и политики Великих держав, о и стремлением создать этнически однородные государства, без национальных меньшинств. На пространстве Центрально-Восточной Европы во время Второй мировой войны, точнее в период ее завершения, на передний план вышел вопрос Польши, которая претерпела существенные территориальные изменения, в связи чем обмен населением между Польшей и СССР (на основании серии соглашений 1944–1945 гг.) был наиболее актуальным, хотя непосредственная его реализация произошла уже после окончания войны. Вслед за Польшей и Чехословацкая республика заключила в 1945–1946 гг. соглашения с Советским Союзом об взаимном обмене населением, причем в форме так называемых договоров об оптации. Их целью было переселение чехов и словаков из СССР в Чехословакию в обмен на россиян, украинцев, белорусов (эмигрантов), живущих в ЧСР, или русинов из Восточной Словакии. Фактически весь процесс оптации советского гражданства и переселения в СССР, реализованное в 1947 году, переросли в переселение почти 12,4 тысяч русинов из Словакии. Между данными процессами в контексте решения национального вопроса в двух странах (в том числе под влиянием изменяющейся геополитической ситуации в регионе Центрально-Восточной Европы) видны как явные аналогии, так и бесспорные различия.

Ключевые слова: национальный вопрос, обмен населением, оптация, международные соглашения, Центральная Европа после Второй мировой войны.

Благодарность: перевод статьи подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Шмигель М. Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: аналогии и различия эры политического переселения народов // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 214–230.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230

Вопреки утверждениям, что переселение народов как средство решения проблемы национальных меньшинств является характерным прежде всего для тоталитарных государств, уже в течение Второй мировой войны стало очевидным, что идея массовых переселений (особенно переселения немцев из Центральной Европы) нашла своих сторонников среди демократически ориентированных

политиков многих стран (Ф. Рузвельт, В. Черчилль, Э. Бенеш и др.). Несомненно, этому способствовало разочарование в системе охраны прав национальных меньшинств, которая потерпела крах в конце 30-х гг. XX в., а также сам факт актуализации конфликтов между столетиями соседствовавшими народами [2, с. 13–14].

Поворотным моментом в вопросе моральных основ проведения трансфера населения, несомненно, стала путь ко Второй мировой войне и сама война – как повод для переоценки системы охраны меньшинств, воцарившейся в постверсальской Европе¹. Новое восприятие вопроса *exchanges of populations* являлось следствием опыта действий немецких оккупационных властей не только на Востоке Европы, попытки согласовать планы по будущему предотвращению войны (вместе с мотивом не допустить нового укрепления Германии), и в конечном счете были связаны с идеей коллективного наказания немцев за военные преступления нацистского руководства. В то же время это означало, что новые концепции (с начала войны), а вскоре и готовые планы послевоенного урегулирования, предусматривали изменения границ (по меньшей мере, аннулирование изменений, проведенных после 1938–1939 гг., а затем – прежде всего со второй половины 1941 г., когда необходимо было принимать во внимание СССР – ограничение территории рейха на Востоке). Вместе с изменениями границ предусматривались и трансферы населения. Эта взаимная связь базировалась на приобретенном убеждении в том, что после войны нужно будет защищать внутреннюю стабильность государств и мир между ними [12, с. 666].

На пространстве Центрально-Восточной Европы во время Второй мировой войны, в частности в ее завершающий период, на первый план вследствие перемещения Восточного фронта вопрос о Польше, которая подверглась существенным территориальным изменениям. В этой связи наиболее актуальным стал обмен населением между Польшей и СССР, хотя его реализация в основном производилась в послевоенное время. Принимая во внимание то, что по сути речь идет о первом послевоенном обмене населением в Центральной и Восточной Европе, мы полагаем, что он был бесспорным прецедентом (особенно, что касается объема, интенсивности, а также толерантного отношения к такому трансферу) и, в конечном счете, ясным доказательством произошедших перемен в политическом восприятии вопроса переселения населения.

Планы западных союзников в вопросах переселений на территории Польши стали ясны после признания притязаний СССР на Западную Украину, Западную Белоруссию и Литву. Во время одной из дискуссий о будущих границах Польши, которые проходили в Тегеране в конце 1943 г., Ф. Д. Рузвельт спросил И. В. Сталина о том, задумывается ли он над обменом населением в регионе. Сталин, имевший

¹ На конференции в Версале одержала победу концепция охраны прав этнических, расовых и религиозных меньшинств, и лишь на Балканах решились на переселение национальных (религиозных) меньшинств. В его основу были положены турецко-болгарский договор об обмене населением в пограничных областях, заключенный в ноябре 1913 г., греко-болгарская конвенция о взаимном обмене населением, подписанная в ноябре 1919 г. в Нёйи-сюр-Сен и аналогичная греко-турецкая конвенция, которая появилась в июле 1923 г. в Лозанне. Последняя из приведенных, собственно говоря, уже в своих основах выхолащивала закрепленный в версальской системе принцип охраны прав меньшинств, став прецедентом для последующих обменов населением. Ни один из видных политиков того времени не осмелился предложить подобный проект переселения национальных меньшинств в других регионах Европы. Собственно балканский опыт в тот период оценивался как негативный, в первую очередь учитывая большие экономические и социальные затраты трансфера. Ввиду своей жесткости трансфер считался скорее решением, пригодным для Востока и не подходящим и даже неэффективным, например, для Центральной Европы.

богатый опыт массовых переселений в СССР, отвечал, что видит возможность в проведении подобных мероприятий. Известен и британский проект, который был вручен председателю польского эмигрантского правительства Станиславу Миколайчику в январе 1944 г.: «Британское правительство выступает за сильную, независимую, национально единую Польшу в границах приблизительно по линии Керзона и линии по Одру. В этом случае было бы произведено переселение всех поляков из восточных районов страны и возвращение поляков, вывезенных из Польши в Россию, а также удаление из Польши украинцев и белорусов. На Западе страны было бы произведено выселение из Польши немцев» [2, с. 14]. Решение национального вопроса на польском примере в полной мере позволяет уловить изменения политического понимания трансферов населения уже в период войны и после нее.

В условиях немецкой оккупации национальные проблемы в Польше вышли на новый уровень. Война одновременно обострила трения между разными народами и таким образом завершила раскол польского общества по национальному принципу (этнический антагонизм достиг своего апогея еще в последние предвоенные годы). Трагическая судьба польских евреев не привела к сотрудничеству между ними и поляками, хотя евреи и признавались поляками единственным меньшинством, действительно не сотрудничавшим с оккупационным режимом [14, s. 33]. Еще более высокого напряжения достигли отношения поляков с другими национальными меньшинствами, жившими в межвоенной Польше, особенно с украинцами (по причине все более набравшего силу конфликта на Волыни – как кульминационной точки польско-украинского противостояния предыдущего периода)¹. Польское эмигрантское правительство вместе с командованием Армии Крайовой осознали, что среди украинцев, белорусов и литовцев преобладают антипольские настроения. Однако после войны они не смогли создать конкретной программы по уменьшению противостояния и мирного сосуществования с меньшинствами, ограничившись лишь общей декларацией о правах меньшинств. Программу их переселения сформулировали и реализовали на практике польские коммунисты. Существование больших непольских анклавов (немцев на Западе – на территории, которая должна была отойти Польше, и украинцев на Востоке) их планами не предусматривалось [2, с. 10–13]. Однозначно об этом свидетельствует факт, что одним из первых шагов правительства левых сил Польского комитета национального освобождения стало подписание соглашений о переселении польского населения из советских союзных республик и выселение из Польши украинского, белорусского и литовского населения. Это произошло в период после установления новой границы между Польшей и СССР по так называемой линии Керзона (де-факто в июле 1944 г., де-юре 16 августа 1945 года).

В сентябре 1944 года после переговоров в Люблине с делегациями трех советских республик были подписаны соглашения о взаимном обмене населением: 9 сентября 1944 г. с Украинской ССР и Белорусской ССР, а 22 сентября 1944 г. с Литовской ССР (так называемые Люблинские соглашения). Принцип обмена был одинаковым во всех трех соглашениях. Стороны договорились, что «взаимной эвакуации» подлежат польские граждане украинской, русской, русинской, белорусской и литовской национальностей, которые должны были быть переселены на Украину,

¹ Вследствие польско-украинского конфликта на Волыни в 1941–1943 гг. беженцами стали около 300 000 поляков, согласно оценкам, 50–60 тыс. из них в результате конфликта погибли (на украинской стороне погибли около 20–30 тыс. чел.) [9, s. 189–190].

в Белоруссию и Литву. В Польшу должны были переселиться поляки и евреи, которые до 17 сентября 1939 г. были польскими гражданами и проживали на территории вышеупомянутых республик¹ (после оккупации Польши нацистами только в 1939–1940 гг. на территорию СССР убежало около 300 тыс. польских евреев). Если в отношении представителей польской и еврейской национальности был применен принцип добровольности (они имели право, а не обязанность переселиться), то для представителей национальностей с противоположной стороны было установлено требование обязательной эвакуации [2, с. 17].

Ввиду того, что действие всех трех соглашений распространялось только на пограничные области и в сферу их регулирования не попадали поляки из центральных областей Советского Союза и Казахстана, польское посольство в Москве осаждали сотни желавших переселиться в Польшу поляков. Следует подчеркнуть, что долг союзника обязывал советское правительство смягчить свое отношение к бывшим гражданам Польши – в начале 1943 г. им начали выдавать советские паспорта, и в 1944 г. на основании решения правительства СССР происходило переселение поляков из Архангельской, Кировской, Новосибирской, Иркутской, Свердловской, Кемеровской областей, Красноярского края, Коми АССР и Якутской АССР на Украину и в южные регионы РСФСР. По этой причине 6 июля 1945 г. польское правительство заключило еще одно соглашение уже напрямую с правительством СССР. В этом случае речь шла о представителях польской и еврейской национальности, проживавших на всей территории Советского Союза. С противоположной стороны переселение опять касалось «русских, украинцев, русинов, белорусов и литовцев, проживающих на территории Польши»².

Осуществлявшаяся во время освобождения страны и в первые послевоенные годы польская миграционная политика базировалась на двух принципах: *возвращения всех поляков в Польшу и преобразования страны из мультиэтнической в этнически гомогенное государство*. Весьма ясно высказался по этому вопросу в одном из своих послевоенных новогодних обращений польский президент Болеслав Берут: «Вследствие войны и территориальных изменений польский народ трансформируется – мультиэтническое государство преобразуется в государство гомогенное» [11, s. 5]. Другими словами, параллельно с мерами по возвращению поляков в Польшу (кроме переселения из советских западных республик проходила репатриация и реэмиграция) правительство предпринимало шаги по выселению меньшинств – особое внимание при этом уделялось немцам [3, с. 141–142] (открыто, с принуждением) и украинцам (скрыто, но также с принуждением) – с целью подготовить (очистить) территорию для поляков, возвращающихся из СССР, с так называемых Восточных Кресов. Касательно польских евреев политика Варшавы в первые послевоенные годы сосредоточилась на признании их прав как оставаться в Польше, так и эмигрировать (однако скрыто и интенсивно поддерживался второй вариант) [2, с. 17–18].

Последствия этого масштабного обмена населением были впечатляющими. В конечном счете они превысили размеры эксперимента греко-турецкого обмена населением, проведенного после Первой мировой войны [см.: 16, s. 53–54].

¹ Українська РСР в міжнародних відносинах. Міжнародні договори, конвенції, угоди та інші документи, які складені за участю Української РСР або до яких вона приєдналася (1945–1957). Київ, 1957. С. 193–203.

² Repatriacja czy deportacja. Przesiedlenie Ukraińców z Polski do USSR 1944–1946 / Ed. E. Miśiła. Warszawa, 1996. Tom 1. Dokumenty 1944–1945. S. 140–143.

В 1944–1946 годы из Западной Украины в Польшу было переселено 787 674 человек. Из Литвы в Польшу переехало около 197 тыс. чел. и из Белоруссии в Польшу около 275 тыс. человек¹. Всего на основе польско-советского обмена населением с территории советской Украины, Белоруссии и Литвы в Польшу переселилось около 1 250 000 поляков и евреев. К приведенным данным необходимо еще добавить приблизительно 300 000 чел., которые перешли на территорию Польши перед приближением фронта в 1944 г. или же переселились неофициально в последующий период. Из центральных областей СССР в Польшу репатриировалось приблизительно 266 000 поляков². Всего, следовательно, переселилось в Польшу более чем 1 816 000 чел. польской и еврейской национальностей.

С противоположной стороны – из Польши на территорию Украины было переселено 488 057 чел. украинской, русской и русинской национальностей³. Из Польши в Литву было переселено около 2–3 тыс. литовцев и из Польши в Белоруссию – 36–38 тыс. белорусов. Следовательно, всего из Польши на территорию СССР было принудительно переселено около 530 000 чел. в основном украинской, белорусской, литовской, русской и русинской национальностей⁴.

Впрочем, к приведенным данным необходимо добавить (если речь идет об общих потерях населения, принадлежащего к меньшинствам) около 7 млн немцев, изгнанных и переселенных из Польши в Германию в 1945–1947-х гг. [21, s. 227] и 200 000 польских евреев, которые в это же время покинули страну из-за необузданного послевоенного антисемитизма в польском обществе [13, s. 234]. В целом можно говорить как минимум о 7,7 млн изгнанных, переселенцах и беженцах, покинувших Польшу в 1944–1948 годы.

Как демонстрирует пример Польши, события Второй мировой войны радикально изменили воззрения, убеждения и обязательства, закрепленные версальской системой. Миграционные процессы Центральной Европы в первые годы после Второй мировой войны – обмен и переселение населения, иногда называемые «великим политическим переселением народов» [8, s. 1] были не только следствием войны, наследием ялтинско-потсдамской системы и политики Великих держав, но и стремлением создать этнически гомогенные государства, без национальных меньшинств. Впрочем, идея этнически чистого национального государства была настолько действенной, что закрепленную за Лигой наций охрану меньшинств Организация Объединенных Наций (ООН) – в качестве ее преемника – после войны не приняла. «Этнические меньшинства после окончания войны рассматривались

¹ При этом не все поляки проявляли желание переселяться в Польшу. Определенную роль сыграли местные органы власти (особенно в Литве и Белоруссии), которые не поддерживали уменьшение численности населения отдельных областей. Поэтому после окончания польско-советского обмена населением в Белоруссии осталось приблизительно 600 000, а в Литве 200 000 поляков [18, s. 30].

² До второй половины 1950-х гг. в СССР оставалось более миллиона поляков. Около 250 000 из них переселились в Польшу в 1955–1959 годы [18, s. 31].

³ Украинский вопрос в Польше был окончательно решен в 1947 г. в ходе так называемой акции «Висла», во время которой было депортировано еще более чем 140 тыс. украинцев и русинов (лемков). Их оторвали от своей малой родины и дисперсно расселили с целью ассимиляции по западным и северным областям Польши, из которых было выселено немецкое население [9, s. 190].

⁴ Подсчитано на основе: Ciesielski S. et al. Przesiedlenie ludności polskiej z Kresów Wschodnich do Polski 1944–1947. Wybór dokumentów. Warszawa, 2000 [14, s. 35–64; 18, s. 30].

ведущими политиками в качестве причины конфликтов *per se*, которую необходимо не только устранить (например, путем интеграции с государствообразующей нацией), но и на будущее скорее напрямую их остерегаться и в коем случае не подвергать их охране» (в ООН вместо старой охраны меньшинств были закреплены правила охраны всеобщих прав человека). В целом к идее так называемых этнически чистых государств как западные, так восточные (советские) государственные деятели того времени относились с одобрением, базируясь на аналогичных по своей сути подходах [12, s. 670–671]. Британский министр иностранных дел Антони Иден в мае 1944 г. заметил: «Моей собственной политикой бы было ... в Европе не должно бы быть никаких национальных меньшинств» [6]. В целом о трансферах этнических общностей как о «богатырских лечебных средствах» высказывался и американский экс-президент Герберт Гувер, который кроме прочего сказал, что «жесткость, с которой проходят перемещения в другое место» хотя и велика, однако меньше чем «постоянное страдание меньшинств и постоянно повторяющиеся войны» [12, s. 670–671].

Подобной точки зрения придерживалось и чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне во главе с Эдвардом Бенешем. Уже в 1941 году Бенеш опубликовал статью в обозрении «*Nineteenth Century and After*», где заметил: «Проблему национальных меньшинств будут рассматривать более систематически и радикально, нежели это было после последней войны. Я принимаю принцип переселения населения» [20, s. 171]. «Вопрос меньшинств в будущей обновленной республике должен исчезнуть, а меньшинства как таковые существовать не должны», – писал 21 сентября 1942 г. личный секретарь Бенеша Смутный в письме чехословацкому послу Кучере в Стокгольме¹. Это де-факто указывает на точку зрения, которой придерживалось чехословацкое эмигрантское правительство. Э. Бенеш видел причину Мюнхенского кризиса и последовавшее в его результате исчезновение Первой республики именно в этническом разнообразии ЧСР. Меньшинства он считал проблемой и потенциальным дестабилизирующим Чехословакию фактором, от которого необходимо избавиться в послевоенной обновленной республике. Эту идею он был полон решимости продвигать даже вопреки тому, что «чехословацкая демократия всегда базировалась на противоположных принципах, в рамках которых на основе справедливого и свободного порядка граждане разных национальностей могут жить совместно в добрососедстве» [20, s. 171].

В отличие от колебаний польских политиков, чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне ясно наметило свои цели. Группе экспертов при Министерстве национальной обороны было поручено разработать проект реализации разных вариантов по переселению меньшинств в будущей обновленной республике. Этот проект был фактически разработан и содержал следующие формы устранения в Чехословакии принадлежащего к меньшинствам населения: а) насильственный – революционный способ; б) односторонний – по соглашению с Великими державами; в) обмен населением с соседними государствами; г) уступка значительной части территории вместе с проживающим на ней меньшинством, плюс дополнительное переселение еще значительного числа принадлежащего к меньшинству населения [1, с. 10; см. и ср.: 24, s. 14–15].

С высоты прошедшего времени, то есть с современной точки зрения, можно констатировать, что Чехословакия пошла по пути гомогенизации населения страны, реализованной в Польше. Соответственно, очевидны параллели развития послевоенного

¹ Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Praha, 1966. D. 1. S. 295.

национального вопроса в ЧСР и Польши. Сценарий был реализован, то есть были в полной мере использованы первые три предложенные варианта по устранению принадлежащего к меньшинству населения в ЧСР. Так произошло при выселении более чем 3 млн немцев (первый и второй варианты) и обмене населением с Венгрией – третий вариант (74 тыс. венгров, переселенных из Словакии, и 73 тыс. словаков, переселенных из Венгрии). Одновременно третий и последний (четвертый) вариант в модифицированной форме были использованы при решении вопроса русинского (в то время украинского) меньшинства, когда был произведен взаимный обмен населением с СССР (1945–1947 гг.), а также в связи с выселением польского населения (на основе двухсторонних протоколов с Польшей) в 1948–1949-е годы.¹ Чехословакия как и Польша признала в первые послевоенные годы права евреев остаться в стране или эмигрировать (однако скрыто и активно поддерживался их отъезд)². Так же, как и в Польше, здесь шел процесс репатриации (особенно репатриация советских граждан) [см.: 4] и реэмиграции. Относительно проживавших за границей чехов и словаков была принята официальная программа по их переселению на родину, в правовом плане дополнительно подкрепленная межгосударственными соглашениями [19, s. 514–535].

Идея трансферов и обмена населением очень быстро укоренилась в послевоенной ЧСР. Кроме президента Э. Бенеша, она нашла также своих сторонников почти у всех политических субъектов Чехословакии. Исключением не стала и Словакия. Видный словацкий коммунист и государственный деятель Густав Гусак на пленарном заседании Словацкого национального совета 26 мая 1946 г. особенно подчеркивал: «Учитывая задуманное с широким размахом переселение населения, особенно инородного, и вместе с этим возвращение наших людей и их переселение из бедных районов Словакии, планируемые переселения настолько велики, что в истории такого малого народа нет им аналогов» [1, с. 11]. В июне 1945 года на страницах «Нового слова» Г. Гусак закончил свое замечание о решении проблемы национальных меньшинств в Чехословакии предложением, не требующим каких-либо дополнительных комментариев: «Вильсон видел гарантии мира в охране меньшинств. Сегодня мы видим его гарантию в их устранении» [7, s. 84].

Общая линия обновленной народно-демократической Чехословакии основывалась на том, чтобы республика возродилась как государство двух равноправных народов – чехов и словаков, избавилась от национальных меньшинств и не возвращалась к регулирующим их положение уставным документам периода Первой республики³. При этом национальные меньшинства в Чехословакии не были единым целым, а поэтому по отношению к ним не мог применяться единый подход. Кроме прочего

¹ Dokumenty a materiály k dějinám československo-polských vztahů. Praha, 1985. S. 77–78.

² Šišjaková J. Prejavy antisemitizmu na Slovensku v rokoch 1945–1948. Dizertačná práca. Banská Bystrica, 2009. S. 107–110.

³ Еще в мае 1946 г. в своем предвыборном обращении Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии (ЦК КПЧ) сделал достоянием гласности следующую, можно сказать, весьма красноречивую позицию: «Коммунисты хотят величия чешского и словацкого народа, это значит, что они хотят, чтобы наша Чехословацкая республика стала и навсегда осталась республикой славянских народов. Чтобы навсегда исчез для нас вопрос национальных меньшинств, который вел к Мюнхенскому пакту, чтобы выселение немцев и венгров, которое стало возможным только благодаря Советскому Союзу, было в ближайшее время закончено, новозаселенное пограничье постоянно укреплялось и чтобы границы нашей республики упрочнялись благодаря искуплению старых обид» [5, s. 22].

был необходим и дифференцированный подход в этом вопросе, в случае славянских (русинского и польского) и неславянских (немецкого, венгерского, и даже еврейского) меньшинствах. Если немецкий и венгерский вопрос решался на международном уровне и с согласия великих держав, вопрос русинов (украинцев) и поляков – принимая во внимание их славянское происхождение, мог быть решен только на двухстороннем уровне с соседними государствами, то есть с СССР и Польшей.

После выселения судетских и карпатских немцев и начала процесса взаимного обмена населением между Словакией и Венгрией вскоре – в связи с ситуацией с Подкарпатской Русью и постановкой украинского вопроса в Восточной Словакии [см.: 22, s. 22–33] – пришел черед и словацких русинов. В их случае, как и в Польше, чехословацкое правительство заключило с правительством Советского Союза соглашения об обмене населением в форме так называемых договоров об оптации.

Первый из них появился в контексте уступки Подкарпатской Руси СССР и был одним из результатов так называемого московского арбитража по тешинскому вопросу (25–30 июня 1945 г.). Договор о передаче Подкарпатской Руси (в советском варианте Закарпатской Украины) СССР, заключенный в Кремле 29 июня 1945 г., содержал дополнительный протокол, согласно которому, с одной стороны, представителям словацкой и чешской национальности, постоянно проживавшим в Подкарпатье (Закарпатье), предоставлялось право оптации¹ чехословацкого гражданства и переселения на территорию ЧСР. На практике оптация была распространена и на «военных русской или украинской национальности, которые участвовали в рядах чехословацкой армии в войне против Германии за освобождение Чехословакии и членов их семей, проживающих на территории Закарпатской Украины». Согласно принципу взаимности, с другой стороны, лицам украинской и русской национальности, проживающим на территории ЧСР (в границах словацких округов), предоставлялось право оптации советского гражданства и переселения на территорию СССР².

В случае Протокола к договору о Закарпатской Украине от 29 июня 1945 г. согласно формальному признаку можно говорить о классическом договоре об оптации, содержащем сопровождающие данный институт атрибуты. Принимая во внимание фактическую сторону вопроса, необходимо отметить, что право оптации было связано с этнической принадлежностью гражданина, что в действительности было весьма далеко от свободы и справедливости³. В праве свободной оптации

¹ В международном публичном праве *оптацией* общепринято называть право физических лиц определять согласно собственному волеизъявлению свое отношение к государственной принадлежности. *Оптант*, то есть лицо, участвующее в оптации, имеет определенное гражданство и по праву оптации может выбрать другое гражданство или, по крайней мере, отказаться от уже определенного гражданства. Следовательно, под оптацией понимается право физических лиц выбирать между гражданством двух или более государств. Речь идет о прекращении существующего гражданства и одновременно получении нового гражданства. Наиболее часто оптация встречается при изменении государственных границ, при цессии территории (уступки территории одним государством другому), когда определенным категориям лиц, проживающих на конкретной территории, которая на основании международных договоров переходит под суверенитет другого государства, предоставляется возможность выбрать между существующим и новым гражданством [15, s. 148].

² Sbíрка zákonů a nařízení republiky Československé, č. 81/1946. Praha, 1947. S. 1176–1178, 1180–1182.

³ Как заметил историк С. Конечный, «на первый взгляд речь шла о логичном и правомерном решении выбора гражданства (лицами с уступаемой территории – прим. М. Ш.), однако, в действительности уже сама формулировка документа создавало большие проблемы, так как опиралась на принцип национальности, который, как правило, всегда несет большие трудности. Территориальное разграничение не было равноценным и вскрывало прагматический размер договоренной взаимности» [10, s. 31].

гражданства ЧСР было де-юре отказано бывшим чехословацким гражданам иных, нежели чешская и словацкая, национальностей – например, еврейской, венгерской, русской и украинской или русинской (то есть тем из них, кто не воевал в чехословацких подразделениях). Все они автоматически становились гражданами Советского Союза и оставались на территории СССР без права потребовать оптации чехословацкого гражданства и переселения на территорию ЧСР.

Все, таким образом, свидетельствовало о том, что правительство ЧСР имело интерес только к чехам и словакам, а также к военнослужащим-антифашистам, воевавшим за освобождение республики в рядах чехословацкой армии. «Чехословацкие органы государственного управления, находящиеся под сильным влиянием химеры строительства национального государства и значительно пронизанные коммунистами, имеющими сервильное отношение к интересам СССР, в этой области относились к русинам (закарпатским русинам – прим. *М. Ш.*) как мачеха» [10, s. 34]. Одним словом, другие национальности – потенциальные меньшинства их не интересовали. Это было и следствием позиции СССР, который не был абсолютно заинтересован в сильном уменьшении населения на присоединенных территориях.

Впоследствии, собственно перед реализацией оптации на базе протокола к договору о Закарпатской Украине (далее протокол к договору от 29 июня 1945 г.), 10 июля 1946 г. в Москве был подписана следующая договоренность, касавшаяся оптации и взаимного переселения населения между ЧСР и СССР. Подписание второго договора об оптации между Чехословакией и Советским Союзом означало, что чехословацкое правительство с особым вниманием относится к обмену населением, и именно на этот метод – метод оптации – продолжает в репатриации словаков и чехов из СССР, при этом преследуя цель переселения в СССР украинского и русского населения.

В отличие от первого договора об оптации второе чехословацко-советское соглашение от 10 июля 1946 г. было намного глубже продумано. Инициатива о заключении второго соглашения об оптации с СССР исходила со стороны чехословацкого правительства вследствие первоочередного интереса переселить чешское меньшинство из СССР (так называемых волыньских чехов из украинской Волыни) в Чехословакию¹.

При этом в качестве прецедента было взято соглашение правительства Украинской ССР с Польским комитетом национального освобождения о двухстороннем переселении 1944 г. (одно из так называемых Люблинских соглашений)². Именно такой договор подходил чехословацкому правительству, так как оно собиралась провести подобный обмен населением с СССР. «Соглашение между правительством Чехословацкой республики и правительством Союза советских социалистических республик о праве оптации и взаимного переселения граждан чешской и словацкой национальностей, проживающих в СССР на территории бывшей Волынской губернии, и чехословацких граждан украинской, русской и белорусской

¹ Официальные переговоры с СССР начались в июле 1945 г., когда чехословацкая делегация, воспользовавшись переговорами об уступке Подкарпатской Руси Советскому Союзу, предложила заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому памятную записку (*aide-memoire*), касавшуюся условий переселения волыньских чехов. С этого времени переговоры проходили на уровне министерств иностранных дел [27, s. 70].

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 48. Д. 50.

национальностей, проживающих на территории Чехословакии» (далее соглашение от 10 июля 1946 г.)¹ определяло, что взаимный переход из одного гражданства в другое и переселение из одного государства на территорию другого участвующего в соглашении государства должно осуществляться на принципе полной добровольности. Такой подход – принцип добровольности – явно выделялся (был явный контраст) на фоне польско-украинского соглашения.

Нужно подчеркнуть, что указанный принцип – принцип добровольности – в случае обоих соглашений об оптации чехословацкой стороной в полной мере и соблюдался (что нельзя сказать о следовании принятым на себя обязательствам советскими органами в случае оптации чехословацкого гражданства и переселении в ЧСР лиц словацкой и чешской национальности из Закарпатья – на основе протокола к соглашению от 29 июня 1945 г.) [см.: 26, s. 17; 10, s. 34]. Противоречивый характер обоих соглашений вскоре проявил себя при определении круга лиц, которые имели право оптации советского гражданства и переселения в СССР – чехословацких граждан украинской, русской и белорусской национальности. Очевидно, авторам соглашений была близка утонченная тактика. Как показала непосредственно реализация процесса, второе соглашение об оптации должно было распространяться как на русских, украинцев и белорусов – эмигрантов из Советской России, соответственно потом из СССР, которые в 1918–1939 гг. по той или иной причине покинули свою родину и нашли прибежище в ЧСР, так и на местных «украинцев и русских», то есть словацких русинов. Именно благодаря неоднозначному определению подпадающих под соглашение лиц, то есть русских, украинцев и белорусов, все дело свелось к такому положению, когда одна трактовка дополнялась другой, так как они не были взаимоисключающими. Одним из наиболее убедительных доказательств наличия такой ситуации является факт того, что оптация на основе соглашения от 10 июля 1946 г. распространялась на всю территорию ЧСР и районы оптации (где работали комиссии по оптации, принимавшие и регистрировавшие заявления об оптации) размещались как в западной части республики (Прага, Пльзень, Брно, Братислава), так и в восточной части страны (Бардеёв, Гуменне, Медзилаборце, Прешов). Следовательно, в потенциальных центрах проживания русских и украинцев – эмигрантов и в местах компактного проживания «русских и украинцев» – русинов.

Из-за трудностей, сопутствующих реализации обоих соглашений, общие результаты взаимного переселения между ЧСР и СССР не достигли установленных на основе взаимности величин, на которых настаивала советская сторона². На основе протокола к соглашению от 29 июня 1945 г. в 1946–1947 гг. в ЧСР переселилось (согласно советским официальным данным) 1551 семья – 5000 чел. (согласно чехословацким

¹ Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky (A MZV ČR). F. TO SSSR 1945–1954. K. 42; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 50. На чешском языке договор опубликован: ČSR a SSSR 1945–1948. Dokumenty mezinárodních jednání / Zost. K. Kaplan, A. Špiritová. Vmno, 1997. S. 241–246.

² А. Могила, главный уполномоченный правительства СССР по оптации и переселению, который имел богатый опыт по переселению украинцев и русинов из Польши (во время которого польская сторона интенсивно взаимодействовала с советской миссией по переселению), жаловался в вышестоящие органы советского правительства, что «чехословацкое правительство не скупится на приветствия и красивые слова, но работу откладывает и людей в Россию по всей видимости посылать не хочет». Такой ход дела, конечно, не удовлетворял советскую сторону, которая ставила себе цель получить как можно больше оптантов [1, с. 28–29]. В результате этого 27 декабря 1946 г. посол СССР в Праге В. Зорин по поводу оптации направил в МИД ЧСР ноту протеста [ČSR a SSSR 1945–1948. Dokumenty mezinárodních jednání. S. 247].

данным – 5377 чел.) оптантов из Закарпатья¹. Однако, по неофициальным данным, их количество было намного больше. На основе соглашения от 10 июля 1946 г. в Чехословакию из СССР в 1947 г. переселились 10 912 семей волыньских чехов – всего 33 077 человек².

Процесс оптации и переселения в СССР оптантов из Чехословакии начал реализовываться после окончания польско-советского обмена населением (15 июня 1946 г.). Тогда же состоявшая из 50 членов советская миссия по оптации, после некоторых изменений в своем составе, переехала на территорию ЧСР (6 декабря 1946 г.) Собственно переселение осуществлялось с 26 января по 10 мая 1947 г. На украинскую Волынь (в хозяйства переселенных волыньских чехов) на основе двух соглашений по оптации была переселена 2841 семья – 12 401 чехословацкий оптантов (из них из Восточной Словакии было переселено 2665 семей – 12 015 человек) [22, s. 155].

Общее количество чехословацких оптантов, переселенных в 1947 г. в СССР на основе чехословацко-советских соглашений об оптации (по отдельным оптационным районам в ЧСР)

Район переселения	На основе протокола к соглашению от 29 июня 1945 г.		На основе соглашения от 10 июля 1946 г.		Всего на основе двух договоренностей об оптации	
	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Прага	–	–	109	236	109	236
Плзень	–	–	32	70	32	70
Брно	–	–	23	56	23	56
Братислава	–	–	12	24	12	24
Бардеёв	603	3046	678	2858	1281	5904
Гуменне	19	83	219	968	238	1951
Медзилаборце	131	543	575	2545	706	3088
Прешов	33	173	407	1799	440	1972
Всего	786	3845	2055	8556	2841	12401

Результаты оптации и переселения в СССР не соответствовали ожиданиям ни одной из заинтересованных сторон. Разочарование советских органов было связано с тем, что не удалось достичь запланированного, ранее установленного на основе взаимности, количества оптантов. Наконец, те, кого оптировали в СССР, были недовольны и с самого начала искали разные возможности обратного возвращения

¹ Однако эти данные оптантов из Закарпатской Украины не являются окончательными. В приведенных данных не были учтены те, кто подал заявления об оптации чехословацкого гражданства на территории ЧСР – в МВД ЧСР в соответствующих подразделениях в Праге, Братиславе и других городах (около 20 000 заявлений). Одновременно не были учтены лица, которые перешли на территорию ЧСР нелегально (то есть перешли границу, подделали необходимые документы или же, приехав в гости к родственникам, уже не вернулись в СССР и пр.) Исходя из этого, количество оптантов из СССР можно приблизительно определить на уровне 20 000 человек (не принимая во внимание тех, которые эмигрировали из Подкарпатской Руси в 1939–1945 гг., то есть 5078 семей – приблизительно 15 000 человек) [см.: 22, s. 155].

² A MZV ČR. F. MZV. K. 8/1949. „Závěreční protokol o ukončení práce československo-sovětské komise pro opci a přesídlení. Moskva, 14. 9. 1949“.

на родину. В Чехословакии не удалось организовать массовый набор людей, которые бы с энтузиазмом шли восстанавливать разрушенное войной советское народное хозяйство. В данном случае было невозможно реализовать сценарий принудительного переселения, который без проблем был осуществлен в прилегающей Юго-Восточной Польше.

Разочарованы были и те, кто верил, что с помощью переселения части населения в СССР удастся достичь определенного урегулирования сложившейся после войны в Восточной Словакии критической ситуации и одновременно решить «украинский» вопрос в Чехословакии.

Больше всего были разочарованы, а в некоторых случаях даже пережили роковую трагедию сами оптанты. Люди, которые шли искать лучшей жизни в стране советов, очень быстро поняли, что из-за собственной наивности и незнания подлинных условий жизни в СССР они стали жертвой советской пропаганды. Первый контакт с советской реальностью даже у тех, кто был наиболее отважным, вызвал разочарование и страх за свое будущее в новой социалистической родине, гражданство которой они добровольно выбрали.

Не менее важным является вопрос, связанный с анализом чехословацко-советских соглашений об оптации с точки зрения международного права. Необходимо отметить, что классическая оптация всегда связана с территориальными изменениями, то есть с уступкой (принятием), передачей части территории с населением под суверенитет другого, обычно соседнего государства. В этой связи возможна оптация – выбор между гражданством, настоящим или новым – и переселение населения, проживающего на данной территории (как это было в случае с оптацией населения на основе протокола к соглашению о передаче Подкарпатской Руси Советскому Союзу от 29 июня 1945 г.). В этом случае возможно говорить о классической оптации.

В отличие от первой оптации, которая распространялась, с одной стороны, на чехов и словаков, проживавших на переданной территории, и с другой – на украинцев и русских, заселявших пограничную территорию, в случае со второй оптацией речь, однако, не шла о территориальных изменениях. Следующей особенностью оптации на основе соглашения от 10 июля 1946 г. было то, что она распространялась не на жителей определенной части страны, а на лиц, проживавших на всей территории Чехословакии. При этом оптантам не предоставлялась возможность получить советское гражданство и остаться на территории ЧСР, они должны были обязательно переехать на территорию СССР. Уже только эти приведенные факты вносят в рассматриваемую проблематику определенные противоречия (если учитывать законность оптации как таковой). Как раз в связи с этим В. Оутрата, один из интерпретаторов международного публичного права, отмечает: «Международным договором оптация может быть определена и в случаях исключаящих территориальные изменения. Если причиной является взаимное преобразование пропорций национального состава населения в областях со смешанным в национальном плане населением, то в этих случаях говорят об обмене населением» [17, s. 138].

В принципе, обмен населением в своей основе не отличается от оптации. Он также проводится на основе международной договоренности и на основе принципа добровольности. В отличие от оптации обмен автоматически связан с выселением.

Одновременно категории лиц, которым предоставляется возможность обмена, определяются по национальному, религиозному и иному другому принципу [15, s. 217]. Таким образом, приведенные признаки обмена населения в полной мере соответствуют процессу оптации и переселения в СССР на основе соглашения от 10 июля 1946 года.

Современные интерпретаторы международного публичного права также согласны в том, что примером такого обмена населением в послевоенные годы как раз была реализация чехословацко-советского соглашения от 10 июля 1946 г. При этом его приравнивают к соглашению, заключенным Польшей с СССР в 1944–1945 гг. [см.: 25, s. 217; 23, s. 41–42; 15, s. 149–150]. Согласно современным оценкам с точки зрения международного публичного права чехословацко-советское соглашение от 10 июля 1946 г. относится к группе так называемых репатриационных договоров¹. Кроме чехословацко-советского соглашения 1946 г. к этой группе относились также и соглашения, заключенные Чехословакией с Францией (в Лондоне в 1944 г.), Румынией в 1946 г., Югославией с 1948 г. и Польшей (протокол о переселении лиц польской национальности из окрестностей г. Гуменне 1948 г. и протокол о переселении лиц польской национальности из Восточной Словакии в Польшу 1949 г.)² [17, s. 138; 25, s. 217].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что правительство ЧСР, хотя и обозначило рассматриваемый нами процесс как оптацию и переселение, в действительности речь шла о процессе обмена населением с Советским Союзом. Целью этого обмена было в первую очередь возвращение волынских чехов на родину, за которых правительство было готово принести в жертву СССР главным образом население Северо-Восточной Словакии – русинов (официально – украинцев и русских). Этим правительство послевоенной Чехословакии преследовало скрытую цель – упростить сложные этнические и критические социально-экономические условия на смешанной в национальном плане территории Восточной Словакии после Второй мировой войны.

Учитывая время, когда подготавливали и потом реализовывали соглашение об оптации и взаимном переселении, необходимо обратить внимание на тот факт, что чехословацкое правительство не могло открыто говорить об обмене (или, как это было в случае Польши – об эвакуации) населения. Поскольку этим бы оно де-факто поставила так называемых чехословацких украинцев и русских, то есть русинов, в один ряд с венгерским населением Словакии, обвиненным в развале республики, поддержке ирреденты или коллаборационизме с фашизмом), которое было обменено на словаков из Венгрии. Кроме этого, данный шаг способствовал бы не только решительным протестам русинского населения и панике в Восточной Словакии, то есть еще больше усложнил ситуацию в этом регионе страны, но и одновременно поставил бы под сомнение славянскую политическую ориентацию Чехословакии, столь распространенную в послевоенный период. Полагаем, что именно по этим причинам чехословацкое правительство выбрало более спокойное название для акции, которую оно провело в 1947 году.

¹ В основе так называемых репатриационных договоров (или договоров о репатриации) лежит институт оптации. Они заключались с целью создать условия для возвращения переселенцев и их потомков, прошедших натурализацию в одном государстве, в государство их происхождения или в государство, в котором компактно проживали представители их национальности [25, s. 217. см. также: 15, s. 150].

² Dokumenty a materiály k dějinám československo-polských vztahů 1944–1948. S. 77–78.

Таким образом, название «оптация» в качестве обозначения обмена населением с СССР твердо закрепилось в сознании послевоенного общества, а также и в чехословацкой историографии. До 1989 года это не подлежало пересмотру, поскольку в противном случае означало бы новый взгляд на послевоенный период – время создания этнически гомогенного государства чехов и словаков без национальных меньшинств. Важным моментом является также такой нюанс – соглашение между правительством ЧСР и правительством СССР о праве оптации и взаимном переселении, подписанное в Москве 10 июля 1946 г., никогда не публиковалось в Сборнике законов и постановлений Чехословацкой республики.

Перевод со словацкого языка С. М. Слоистова

Список литературы

1. Ванат І. Волинська акція. Обмін населенням між Чехословаччиною і Радянським Союзом навесні 1947 року. Пряшів, 2001. 256 с.
2. Милакова Л. Б. Польша на пути к моноэтническому государству (1918–1947 гг.) // Международный исторический журнал. 2001. № 13. URL: http://www.hrono.ru/statii/2003/1918_47polon.html
3. Мурхауз Р. Перемещение восточной границы «Третьего рейха» и переселение населения (английская точка зрения) // Европа. Журнал Польского Института международных дел. 2004. Т. 4. № 2 (11). С. 141–154.
4. Шмигель М. Советская репатриационная операция в Словакии (1944–1950 гг.) как фактор последствий войны // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.; СПб., 2014. С. 257–270.
5. Bajcura I. Národnostné menšiny v politike KSC // Národnostná otázka a mládež v politike KSC / Ed. J. Briškár. Košice. 1983.
6. Chyský V. Doktrína etnických čistek – usilování o národnostně homogenní státy // Britské listy. 7.3.2007. URL: <http://blisty.cz/art/33232.html#sthash.WZ2Fm35i.dpuf>
7. Gabzdilová-Olejníková S., Olejník M. Karpatskí Nemci na Slovensku od druhej svetovej vojny do roku 1953. Bratislava, 2004. 206 s.
8. Gajdoš M., Sjusko I. Optácia obyvateľov Zakarpatska v československo-sovietskych vzťahoch v rokoch 1945–1947 // Človek a spoločnosť. 1999. Roč. 2. Č. 3. S. 27–34. URL: <http://www.clovekaspolocnost.sk/jquery/pdf.php?gui=TWT6TUB34SFJTUY7BYIIDLUSV>
9. Halczak B., Šmigel' M. K problematike postavenia Lemkov v Poľsku v prvej polovici 20. storočia a ich vysídlenie do Sovietskeho zväzu. Akcia „Visla“ // Acta historica Neosoliensia. 2004. T. 7. S. 187–198.
10. Konečný S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajine a optácia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne // Čo dala – vzala našim rodákom optácia / Ed. M. Gajdoš. Košice, Prešov, 2002. S. 30–38.
11. Kwiek J. Z dziejów mniejszości słowackiej na Spiszu i Orawie w latach 1945–1957. Kraków, 2002. 146 s.
12. Lemberg H. Hranice a menšiny ve východní Evropě – geneze a korelace // Soudobé dějiny. 2000, Roč. 7. Č. 4 S. 654–673.
13. Lowe K. Krutý kontinent. Bratislava, 2014. 496 s.
14. Mironowicz E. Polityka narodowościowa PRL. Białyсток, 2000. 285 s.
15. Mráz S., Poredoš F., Vrškany P. Medzinárodné verejné právo. Bratislava, 2003, 380 s.
16. Naimark N. Plameny nanávisti. Praha, 2006. 234 s.
17. Outrata V. Mezinárodní právo veřejné. Praha, 1960. 646 s.
18. Pociąg do historii. Wrocław, 2008.

19. Polónyová S. Reemigrácie a repatriácie zahraničných Slovákov do vlasti po roku 1945 (tzv. akcia „Mať volá“) // Mígračné procesy Slovenska (1918–1948). Banská Bystrica, 2014. S. 514–535.
20. Sacher V. Dukla bez legend. Bratislava, 1969. 348 s.
21. Šatava L. Národnostní menšiny v Evropě. Praha, 1994. 385 s.
22. Šmigel' M., Kruško Š. Opčia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947): na základe československo-sovietskej dohody z 10. júla 1946. Bratislava, 2011. 340 s.
23. Špirko J. K niektorým právnym aspektom optácie // Čo dala – vzala našim rodákom optácia / Ed. M. Gajdoš. Košice, Prešov, 2002. S. 39–42.
24. Šutaj Š. Parížska konferencia 1946 a mierová zmluva s Maďarskom. Prešov, 2014. 402 s.
25. Tomko J. et al. Medzinárodné verejné právo. Bratislava, 1988. 421 s.
26. Vaculík J. Hledali svou vlast. Praha, 1995. 38 s.
27. Vaculík J. Reemigrace a usídlování volyňských Čechů v letech 1945–1948. Brno, 1984, 223 s.

Поступила 19.05.2017; принята к публикации 19.06.2017

Шмигель Михал, доцент, Университет им. М. Бела, Банская-Бистрица, Словакия.

**EXCHANGE OF POPULATION OF THE USSR
WITH POLAND AND CZECHOSLOVAKIA IN 1944–1947: ANALOGIES
AND DIFFERENCES OF THE ERA OF POLITICAL MIGRATION OF PEOPLES**

Michal Chmigel

Migration processes in Central Europe in the postwar period including resettlement and relocation of the citizens sometimes called “great political relocation of nations” – were the consequences of the war, the Yalta and Postupim system and the power policy, but also an effort to create ethnically homogenous states – countries without minorities. In Central and Eastern Europe, the question concerning Poland came into the forefront during and increasingly towards the end of the World War II. The territorial changes in Poland were very extensive and in this context, the issue of resettlement of citizens from Poland to the Soviet Union and vice versa (based on the Agreements from 1944 and 1945) was the most critical one though it was carried out mainly in the postwar period. As in Poland, the so-called “option agreements” on the resettlement were also concluded between Czechoslovakia and the Soviet Union during 1945 and 1946. Obvious analogies and some differences in these processes can be seen in the context of a new geopolitical situation in Central and Eastern Europe and how the national question in both countries was solved.

Keywords: national question, resettlement of citizens, option, international agreements, postwar Central Europe.

Acknowledgements: the article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Chmigel M. Exchange of population of the USSR with Poland and Czechoslovakia in 1944–1947: analogies and differences of the era of political migration of peoples. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 214–230.
DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230

References

1. Vanat I. Volins'ka akciya. Obmin naselennyam mizh CHEkhoslovachchinoyu i Radyans'kim Soyuzom navezni 1947 roku [Volyn stock. Exchange of population between the Czechoslovakia and the Radian Union in the spring of 1947]. Pryashiv, 2001, 256 p.
2. Milyakova L. B. Pol'sha na puti k monoethniceskomu gosudarstvu (1918–1947 gg.) [Poland on the way to a monoethnic state (1918–1947)]. *Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal* = International Historical Journal, 2001, no. 13. Available from: http://www.hrono.ru/statii/2003/1918_47polon.html (In Russ.).
3. Murhauz R. Peremeshchenie vostochnoj granicy «Tret'ego rejha» i pereselenie naseleniya (anglijskaya tochka zreniya) [Moving the eastern border of the "Third Reich" and the resettlement of the population (English point of view)]. *Evropa. Zhurnal Pol'skogo Instituta mezhdunarodnyh del* = Europe. Journal of the Polish Institute of International Affairs, 2004, vol. 4, no. 2 (11), pp. 141–154. (In Russ.).
4. SHmigel' M. Sovetskaya repatriacionnaya operaciya v Slovakii (1944–1950 gg.) kak faktor posledstvij vojny [Soviet repatriation operation in Slovakia (1944–1950) as a factor of war consequences]. *Social'nye posledstviya vojn i konfliktov XX veka: Istoricheskaya pamyat'* = Social consequences of wars and conflicts of the XX century: Historical memory, ed. by E. P. Serapionova, Moscow, Saint-Petersburg, 2014, pp. 257–270. (In Russ.).
5. Bajcura I. Národnostné menšiny v politike KSC [National minorities in KSC politics]. *Národnostná otázka a mládež v politike KSC* = National Question and Youth in CPC Politics, ed. by J. Briškár, Košice, 1983. (In Slovak.)
6. Chyský V. Doktrína etnických čistek – usilování o národnostně homogenní státy [The doctrine of ethnic cleansing - striving for nationally homogeneous states]. *Britské listy* = British Letters, 7.3.2007. Available from: <http://blisty.cz/art/33232.html#sthash.WZ2Fm35i.dpuf> (In Czech.)
7. Gabzdilová-Olejníková S., Olejník M. Karpatskí Nemci na Slovensku od druhej svetovej vojny do roku 1953 [Carpathian Germans in Slovakia since World War II until 1953]. Bratislava, 2004, 206 p. (In Slovak.)
8. Gajdoš M., Sjusko I. Optácia obyvateľov Zakarpatska v československo-sovietskych vzťahoch v rokoch 1945–1947 [Ottoman occupation of Zakarpatska in Czechoslovak-Soviet relations in 1945–1947]. *Človek a spoločnosť* = Man and society, 1999, Roč. 2, Č. 3, pp. 27–34. Available from: <http://www.clovekaspolocnost.sk/jquery/pdf.php?gui=TWT6TUB34SFJTUY7BYIIDLUSV> (In Slovak.)
9. Halczak B., Šmigel' M. K problematike postavenia Lemkov v Poľsku v prvej polovici 20. storočia a ich vysídlenie do Sovietskeho zväzu. Akcia „Visla“ [The issue of Lemkov's position in Poland in the first half of the 20th century and their displacement in the Soviet Union. “Visla” action]. *Acta historica Neosoliensia* = Historical act Neosoliensia, 2004, vol. 7, pp. 187–198. (In Slovak.)
10. Konečný S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajine a opcia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne [Treaty on Transcarpathian Ukraine and Citizenship of the USSR in Slovakia after the Second World War]. *Čo dala – vzala našim rodákom optácia* = What she had – took our native opt-in, ed. by M. Gajdoš, Košice, Prešov, 2002, pp. 30–38. (In Slovak.)
11. Kwiek J. Z dziejów mniejszości słowackiej na Spiszu i Orawie w latach 1945–1957 [From the history of the Slovak minority in Spiš and Orava in the years 1945–1957]. Kraków, 2002, 146 p. (In Polish.)
12. Lemberg H. Hranice a menšiny ve východní Evropě – geneze a korelace [Borders and Minorities in Eastern Europe – Genesis and Correlation]. *Soudobé dějiny* = Contemporary History, 2000, Roč. 7, Č. 4, pp. 654–673. (In Czech.)
13. Lowe K. Krutý continent [Cruel continent]. Bratislava, 2014, 496 p. (In Czech.)

14. Mironowicz E. *Polityka narodowościowa PRL* [National politics of the Polish People's Republic]. Białystok, 2000, 285 p. (In Polish.)
15. Mráz S., Poredoš F., Vršanský P. *Medzinárodné verejné parvo* [International public law]. Bratislava, 2003, 380 p. (In Slovak.)
16. Naimark N. *Plameny nanávisti* [Flames of hatred]. Praha, 2006, 234 p. (In Czech.)
17. Outrata V. *Mezinárodní právo veřejné* [International public law]. Praha, 1960, 646 p. (In Czech.)
18. *Pociąg do historii* [Train to history]. Wrocław, 2008. (In Polish.)
19. Polónyová S. *Reemigrácie a repatriácie zahraničných Slovákov do vlasti po roku 1945 (tzv. akcia „Mať volá“)* [Re-emigration and repatriation of foreign Slovaks to their homeland after 1945 (so-called Mať volá action)]. *Migračné procesy Slovenska (1918–1948) = Migration Processes of Slovakia (1918–1948)*, Banská Bystrica, 2014, pp. 514–535. (In Slovak.)
20. Sacher V. *Dukla bez legend* [Dukla without legend]. Bratislava, 1969, 348 p. (In Slovak.)
21. Šatava L. *Národnostní menšiny v Evropě* [National minorities in Europe]. Praha, 1994, 385 p. (In Czech.)
22. Šmigel' M., Kruško Š. *Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947): na základe československo-sovietskej dohody z 10. júla 1946* [Option and Resettlement of the Rusyns to the USSR (1945–1947): on the basis of the Czechoslovak-Soviet Agreement of 10 July 1946], Bratislava, 2011, 340 p. (In Slovak.)
23. Špirko J. *K niektorým právnym aspektom optácie* [Some legal aspects of opt-in]. *Čo dala – vzala našim rodákom optácia = What she had – took our native opt-in*, ed. by M. Gajdoš, Košice, Prešov, 2002, pp. 39–42. (In Slovak.)
24. Šutaj Š. *Parížska konferencia 1946 a mierová zmluva s Maďarskom* [Paris Conference 1946 and Peace Treaty with Hungary]. Prešov, 2014, 402 p. (In Slovak.)
25. Tomko J. et al. *Medzinárodné verejné parvo* [International public parvo]. Bratislava, 1988, 421 p. (In Slovak.)
26. Vaculík J. *Hledali svou vlast* [They were looking for their homeland]. Praha, 1995, 38 p. (In Czech.)
27. Vaculík J. *Reemigrace a usídlování volyňských Čechů v letech 1945–1948* [Re-emigration and settlement of Volhynian Czechs in 1945-1948]. Brno, 1984, 223 p. (In Czech.)

Submitted 19.05.2017; revised 19.06.2017

Michal Chmigel, Associate Professor, Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.